

Вашрова Наталья Владимировна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ И СЕКУЛЯРНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ
СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА**

В статье рассматриваются особенности современного общественно-религиозного взаимодействия на примере анализа репрезентаций религиозных и секулярных измерений публичной сферы украинского общества. В частности, раскрывается специфика распределения функций и сфер влияния между секулярными и религиозными факторами, представленная в позициях граждан Украины. На основании анализа выделяются основные модели взаимодействия между религиозным и секулярным, а также обозначаются возможные направления для дальнейших исследований данной тематики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/1/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (80). С. 18-22. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3. **Медведев В. И., Алдашева А. А.** Экологическое сознание. М.: Логос, 2001. 384 с.
4. **Шишкина Е. А.** Социокультурные практики как фактор формирования экологической культуры (по материалам Астраханской области) // СоцИс. 2008. № 9. С. 79-84.

EVERYDAY LEVEL OF POPULATION'S ENVIRONMENTAL CULTURE MANIFESTATION

Boldina Marina Yur'evna, Ph. D. in Sociology

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Volgograd
koma34@mail.ru*

This article analyzes the everyday habits of Volgograd urban agglomeration residents in order to identify the specific ecological culture features of local community. The author theoretically and empirically proves the connection between "community" and environmental culture. The methods of the research are literature analysis and questionnaire survey. The research results showed the high level of resources consumption rationality, but the low level of residents' environmental responsibility and enthusiasm.

Key words and phrases: environmental culture; environmental responsibility; ecological behaviour; everyday habits; questionnaire survey.

УДК 316.74

Социологические науки

В статье рассматриваются особенности современного общественно-религиозного взаимодействия на примере анализа репрезентаций религиозных и секулярных измерений публичной сферы украинского общества. В частности, раскрывается специфика распределения функций и сфер влияния между секулярными и религиозными факторами, представленная в позициях граждан Украины. На основании анализа выделяются основные модели взаимодействия между религиозным и секулярным, а также обозначаются возможные направления для дальнейших исследований данной тематики.

Ключевые слова и фразы: общественно-религиозные взаимодействия; религиозное; секулярное; приватное; публичное.

Вашрова Наталья Владимировна

*Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Украина
natalia.links@gmail.com*

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ И СЕКУЛЯРНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА[©]

Одной из характерных особенностей научной рефлексии над современными процессами трансформации общественно-религиозных взаимодействий в разных странах мира является поиск адекватных методологических подходов, посредством которых можно расширять границы научно-аналитического аппарата социальных исследований, анализировать и объяснять специфическое взаимодействие между религиозными факторами и рядом других социальных аспектов общественной жизни. В частности, внимание исследователей привлекают изучение и объяснение тех характеристик и способов функционирования религиозных феноменов, благодаря которым они становятся составной частью различных социальных практик и идентичностей на различных общественных уровнях, а в первую очередь – на публичном и политическом. Поэтому вопрос реконструкции религиозного измерения публичной сферы является одной из центральных тем современной социологии религии [5]. Изучение данного явления связано с применением подходов, в рамках которых подвергаются историко-генеалогической деконструкции такие основополагающие категории как «религия», «религиозное», «сакральное», «секулярное», «профанное» и др. Данные понятия рассматриваются как категории, конструируемые в рамках конкретных академических дискурсов и соответствующие особенностям исторического и социально-политического развития того или иного региона, а потому требующие определенных уточнений своего значения и содержания в зависимости от того, религиозную жизнь какого именно общества мы исследуем [3]. Элементы подобного подхода можно увидеть как в работах западных исследователей, так и ученых из других регионов мира (Ю. Хабермас, Ч. Тейлор, Г. Айзенштадт, Х. Касанова, К. Калхун, Т. Асад, С. Махмуд и др.).

Современные процессы социально-религиозных взаимодействий в Украине являются одним из примеров сложного переплетения разнообразных тенденций: от преодоления атеистического наследия советского периода и реконструкции традиционных религиозно-культурных практик и идентичностей до утверждения секулярных принципов политико-правового режима и распространения либерально-демократических норм и ценностей. Для изучения подобных явлений, их концептуализации в рамках конкретной интерпретативной схемы важно применение такой методологической перспективы и соответствующего понятийного аппарата, которые

позволят эффективно работать с подвижными изменчивыми системами значений и смыслов современного религиозного и общественного поля. Одним из возможных подходов является применение классификационной схемы «религиозное/секулярное», в рамках которой проводится различие между двумя основными типами социальных явлений. Особенность данной модели состоит в том, что она, во-первых, позволяет анализировать социально-религиозные взаимодействия в тех обществах, для которых характерно более четкое разделение между светскими и религиозными элементами социальной жизни, в частности, помогает изучать специфику распределения функций и сфер влияния, которые приписываются религиозным или секулярным факторам в рамках того или иного дискурса. Во-вторых, она способствует исследованию секулярного и религиозного как взаимосвязанных измерений с широким диапазоном разнообразных признаков и характеристик [4; 7].

В рамках изучения процессов социально-религиозных взаимодействий в современном украинском обществе мы обратились к исследованию репрезентаций религиозных и секулярных измерений публичной сферы гражданами Украины. В частности, нас интересовали особенности артикуляции значений религиозного и секулярного поля, наделение религиозных и секулярных факторов специфическими функциями и разделение между ними определенных сфер компетенции и влияния. Подобный анализ дает возможность увидеть, каким потенциалом наделяют украинские граждане религиозные и секулярные феномены, в каких сегментах общественной жизни и в каких жизненных ситуациях они готовы их задействовать и подвергаться их влиянию. В качестве эмпирической базы мы используем данные международного исследовательского проекта «Регион, нация и прочее. Междисциплинарная и транскультурная реконцептуализация Украины» (2011-2013 гг.), в частности, данные глубинных интервью украинских граждан в двенадцати областных центрах Украины (n = 240 респондентов, по 20 интервью в каждом областном центре) [6].

Если для начала обратиться к данным количественных исследований общественного мнения относительно роли и места религии в общественной жизни, которые проводились в Украине на протяжении последних 13 лет, то следует отметить, что в фокусе таких исследований, прежде всего, стоял вопрос отношения граждан к организованным формам религии, таким как Церковь и религиозные организации. Например, роль Церкви в обществе, отношение населения к Церкви как к общественному институту, характер потребностей граждан в деятельности Церкви и т.д. На основании данных социологических опросов за предыдущие годы аналитики пришли к выводу, что в украинском обществе наблюдается достаточно высокий уровень общественной потребности в религии и Церкви, поскольку значительное количество опрошенных отводили религии/Церкви значимое место в своей жизни и связывали ее деятельность с различными сферами общественной жизни. Наряду с этим, ученые отмечали «неопределенность и противоречивость общественного мнения в отношении одного из принципиальных вопросов обеспечения свободы совести – отделения Церкви от государства и школы от Церкви» [1, с. 8]. Например, согласно результатам опроса за 2002 год, лишь 28% граждан согласились с утверждением о том, что «отделение Церкви от государства и школы от Церкви являются необходимыми предпосылками демократичности государства и обеспечения права человека на свободу совести», 37,5% не согласились с этим утверждением, а 33,6% не смогли определиться. Кроме этого, 40,5% опрошенных отметили, что не знают, «кому принадлежит идея отделения Церкви от государства и школы от Церкви», а большинство граждан (49,5%) связывают ее с идеологией марксизма-ленинизма, незначительное количество опрошенных соотнесли ее с идеологией французской буржуазной революции (5,6%), американской демократии (2,1%), основателей протестантизма (2,5%) [Там же].

Что касается позиций граждан Украины, представленных в текстах интервью, то их репрезентации церковно-государственных отношений и статуса религиозного фактора в современном украинском обществе также характеризуются упомянутыми выше «противоречиями» или специфическим сочетанием элементов из разных дискурсивных систем. Например, в артикуляциях религиозной принадлежности (как на индивидуальном, так и на коллективном уровне) задействуются определенные понятия либерально-демократического правового дискурса, которые представлены в конституционных нормах украинского законодательства и активно ретранслируются различными субъектами социальных отношений (политической властью, социальными институтами, СМИ и т.д.). Граждане самых разных категорий настаивают на том, что религиозная принадлежность является проявлением свободного выбора человека, его правом на свободное исповедание либо неисконфессии любой религии, сферой его интересов, избавленной от давления властных структур. Однако когда речь заходит о взаимоотношениях организованной формы религии (Церкви) и государства, то возникают вариации в артикуляции специфики взаимодействия религиозного и секулярного. На основании рассказов респондентов можно выделить три основных варианта.

В рамках первого государство представляется как секулярная структура, которая не предоставляет привилегий ни одной религии, но гарантирует возможность свободного исповедания религии и деятельности религиозных групп. При этом, по мнению граждан, именно благодаря секулярным принципам (в артикуляциях – это нейтральное, неангажированное отношение к религиям на основании действующего законодательства) становится возможным обеспечение прав и свобод как религиозных, так и нерелигиозных людей. Соответственно, респонденты, высказывающие подобную точку зрения, не одобряют практику демонстрации политическими деятелями своей религиозной принадлежности. Данный аспект граждане представляют, как нежелательное смешивание частного и публичного, религиозного и секулярного.

Во втором варианте респонденты также артикулируют четкое распределение между религиозным и секулярным, разделяя миссию и задачи Церкви и государства. Однако такое деление основывается не на необходимости обеспечения прав и свобод граждан, а подается как следствие «аморальности» сферы политической

власти и ее несовместимости с духовной и нравственной сферой религиозного. Для обоснования такой позиции чаще всего используются категории именно религиозно-церковного дискурса. Таким же образом конструируется и отношение к публичным проявлениям религиозности политическими деятелями: демонстрация религиозных взглядов критикуется на основании того, что сакральные вещи вовлекаются в земные (преимущественно, «грязные») дела. Констатируя принципиальную несовместимость двух сфер (секулярной политической и религиозной), респонденты делают вывод о неискренности и невозможности для политиков придерживаться тех взглядов, которые они афишируют.

Таким образом, одно из главных отличий между первым и вторым вариантами проявляется в том, что в рамках первой перспективы отделение Церкви от государства рассматривается как позитивный принцип, тогда как во втором – это неизбежное следствие негативного положения вещей. Артикуляция второй точки зрения создает дискурс, в котором допущение секулярной природы государства происходит на основополагании факта отсутствия эффективного способа влияния религиозного на политическое. Под эффективным в данном случае понимается такое влияние, при котором Церковь оказывает положительное влияние на политические структуры, но при этом сохраняет собственную идентичность (т.е. Церковь и ее представители не опускаются до неэтичных «правил игры»), а религиозные обряды не покрывают аморальное поведение). Данный дискурс демонстрирует большую открытость к рассмотрению и включению возможных ситуаций, в которых, при условии соблюдения «настоящих» духовных принципов и нравственных ценностей, Церковь все же могла бы оказывать влияние на политическую сферу, и разделение между Церковью и государством было бы не столь четким.

Наконец, в рамках третьего варианта артикулируется тесное взаимодействие Церкви и государства, а секулярное пространство политической сферы представляется как поле действия религиозных принципов. В таком дискурсе секулярное уже не трактуется как нечто, отделенное от религиозного, но как некое материальное измерение жизнедеятельности, правильное направление для которой создается при помощи религиозных норм. Соответственно, от политических деятелей ожидаются религиозное поведение и продвижение религиозных норм и принципов на государственном уровне. Стоит отметить, что для артикуляций подобных позиций используются как термины церковного, так и либерально-правового дискурса. Однако значения последнего реинтерпретируются при помощи религиозных понятий, в результате чего для респондентов снимаются возможные противоречия между категориями различных дискурсивных систем (например, признание за человеком права на свободу выбора интерпретируется как возможность свободно выбрать Бога и христианскую жизнь, тогда как избрание «греха» и соответствующего образа жизни не рассматривается как реальное проявление свободного выбора и трактуется как потеря свободы).

В текстах интервью, размышляя над темой общественной роли Церкви и религии, респонденты останавливаются на общих вопросах общественной морали. Современное состояние общественной морали проблематизируется и определяется как требующее нормализации. В репрезентациях граждан вопрос кризиса общественной морали соотносится как с упоминанием исторических социально-политических трансформаций, так и с трудностями на пути реализации моральных норм в современном мире. В первом случае происходит сравнение двух исторических периодов (периода Советского Союза и Независимости) и следуют утверждения о размывании общественных норм и нравственных ориентиров на современном этапе (по сравнению с временами Советского Союза). В таком контексте Церковь и религиозные организации рассматриваются как вспомогательный фактор на пути преодоления данных проблем. Однако существует определенное расхождение между ожиданием положительного эффекта от распространения религиозных норм (в частности, христианских ценностей) и восприятием деятельности Церквей / религиозных общин. Данные социологических опросов также свидетельствуют о наличии некоторых расхождений. Например, в украинском социологическом исследовании (2013 год) 77% граждан согласились с тем, что религия повышает нравственность и духовность человека [2]. Наряду с этим, как отмечают аналитики, уровень общественного признания Церкви как морального авторитета ниже уровня как манифестированной религиозности, так и доверия к Церкви, и составляет 50% [Там же]. Так же и в материалах интервью обобщенные христианские ценности наделяются большей значимостью, чем учения и проповеди конкретных традиционных христианских Церквей. Степень доверия к «религиозному» может снижаться в том случае, когда интерпретатором и ретранслятором определенных христианских норм выступает конкретная религиозная организация (Церковь).

В репрезентациях респондентов понятие «христианские ценности» является примером категории с наименее четко выраженным содержанием. На более обобщенном уровне оно трактуется как «нечто доброе, то, что делает мир лучше» или как набор качеств, «помогающих людям жить в мире и согласии». Когда респонденты пытаются более полно раскрыть понятие христианских ценностей, они делают это либо путем перечисления общих философско-этических категорий (таких как честность, справедливость, милосердие и т.д.), либо апеллируя к цитатам из Библии, а чаще всего – к десяти заповедям. Респонденты часто утверждают, что было бы хорошо, если бы общественная мораль опиралась на десять заповедей, и люди руководствовались ими в публичной и частной жизни. Однако в таких случаях в качестве примера чаще всего приводятся такие заповеди как «не убей» и «не укради», иногда – «не прелюбодействуй», тогда как остальные заповеди остаются без внимания респондентов. Таким образом, заявленный объем религиозных норм и ценностей, которые респонденты считают необходимым закладывать в основу общественной морали, может не соответствовать их личным знаниям о предмете, а сами понятия – не наполняться конкретным содержанием и использоваться в качестве обобщенных знаков, имеющих отношение к полю значений «добраго и позитивного».

Еще одна составляющая, которая определяет текущее положение религии в украинском обществе, это закрепление в Конституции принципа отделения школы от Церкви. Согласно данным социологических опросов, граждане определяют следующее возможное влияние религии на школу: 38% согласны с тем, что основы религиозных учений могут излагаться лишь факультативно, по выбору учащихся и/или их родителей, 36,5% – что религия не должна преподаваться в общеобразовательных школах, для этого существуют церковные воскресные школы, 17,5% – что изучение религии должно стать обязательным предметом в украинских школах, 8,1% отмечают, что затрудняются с ответом [Там же, с. 47].

В материалах интервью в позициях респондентов преобладает тенденция приписывать школе не только образовательную функцию, но и возлагать на данный институт обязанность воспитания моральных норм у детей. Поэтому, по мнению украинских граждан, в том случае, если школа сможет эффективно использовать религиозный ресурс в целях такого воспитания детей, которое соответствует интересам их родителей, то подобное влияние религиозного фактора будет расцениваться как практичное и позитивное. В ожидаемый набор моральных норм входят как обобщенный минимум, который помогает исключить из поведения криминальные действия («не убей», «не укради»), так и качества, упорядочивающие поведение детей и прививающие им послушание старшим и уважение к другим людям. То есть, в контексте школьного воспитания «религиозное» рассматривается, прежде всего, как «нравственное», значение которого раскрывается при помощи минимального объема норм христианской этики.

Религиозный фактор в системе образования также упоминается в рамках темы необходимости расширения кругозора учащихся и студентов и получения знаний о христианстве и других религиях. Респонденты считают, что в результате атеистической пропаганды в период Советского Союза уровень осведомленности людей в религиозных вопросах стал довольно низким, и на современном этапе важно использовать возможность восполнить этот пробел. Данная перспектива рассматривает «религиозное» как объект для изучения в рамках религиозно-научных предметов, которые предоставляют информацию о религии и при этом не используются с целью влияния на идентичность человека. Такой подход становится наиболее характерным, когда речь заходит о средне-специальном образовании и обучении в высших учебных заведениях. Недовольство привлечением религиозного фактора вне рамок научных дисциплин в системе высшего образования демонстрируют даже те респонденты, которые относят себя к категории верующих и являются прихожанами традиционных Церквей.

Отношение респондентов к проявлениям «религиозного» в других сферах общественной жизни характеризуется большей степенью неопределенности и сомнений в позициях. Единственная из сфер общественной деятельности, где проявления «религиозного» рассматриваются (всеми категориями респондентов) не только как допустимые, но важные и необходимые, – это сфера благотворительности. Помощь нуждающимся, тяжелобольным, оставшимся без опеки и поддержки (детям, инвалидам, пожилым людям) считается практикой, которая наиболее всего подходит Церкви и религиозным общинам. В материалах интервью понятие общественной деятельности Церковей / религиозных организаций, их роль и значимость в обществе часто отождествляются именно с благотворительностью и делами милосердия. Респонденты гораздо охотнее поддерживают идею влияния Церкви на общество в том случае, когда подразумевают под этим влиянием разные виды социальной помощи.

Таким образом, для репрезентаций религиозных и секулярных измерений публичной сферы современного украинского общества характерны как элементы модели более четкого разделения между религиозным и секулярным, соотношения религиозного с частным, а секулярного с публичным, так и модели тесного взаимодействия секулярных и религиозных принципов в разных областях публичной сферы. Однако стоит отметить, что в репрезентациях украинских граждан данные модели могут сосуществовать как возможные вариации, которые задействуются в конкретных ситуациях, что указывает не столько на размывание границ между «религиозным» и «секулярным», сколько на практику переключения между различными полями значений в зависимости от определенного социального контекста. Данная особенность, а также противоречивость интерпретаций религиозного/секулярного, неопределенность возлагаемых на них ожиданий создают ситуацию, в которой значительное влияние на позиции граждан могут оказать доминирующие официальные дискурсы (церковные, политические и др.), способные выстроить более четкую непротиворечивую концепцию общественно-религиозного взаимодействия. Поэтому перспективными направлениями для дальнейших исследований по данной теме являются изучение особенностей репрезентаций религиозного/секулярного и соответствующих им моделей общественно-религиозного взаимодействия в официальных публичных дискурсах, а также анализ степени и способов интернализации их значений украинскими гражданами.

Список литературы

1. Дудар Н., Шангіна Л. Релігія і Церква в суспільному житті України // Національна безпека і оборона. 2002. № 10. С. 6-13.
2. Релігія і влада в Україні: проблеми взаємовідносин: інформаційно-аналітичний матеріал до Круглого столу. К.: Центр Разумкова, 2013. 76 с.
3. Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford University Press, 2003. 269 p.
4. Casanova J. Religion, Politics and Gender Equality. Public Religions Revisited: draft working document. UNRISD, 2009. 29 p.
5. Habermas J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. 2006. № 14 (1). P. 1-25.
6. Region, Nation, and Beyond: an Interdisciplinary and Transcultural Reconsideration of Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <http://regionandculture.krytyka.com> (дата обращения: 10.11.2013).
7. Taylor Ch. Western Secularity // Calhoun C., Juergensmeyer M., VanAntwerpen J. Rethinking Secularism. New York: Oxford University Press, 2011. P. 31-53.

RELIGIOUS AND SECULAR MEASUREMENTS REPRESENTATION OF CONTEMPORARY UKRAINIAN SOCIETY PUBLIC SPHERE

Vashrova Natal'ya Vladimirovna
Ivan Franko National University of Lviv, Ukraine
natalia.links@gmail.com

Contemporary social-religious interaction peculiarities are discussed in the article by example of religious and secular measurements representations analysis of the Ukrainian society public sphere. In particular, the specificity of functions distribution and spheres of influence between secular and religious factors represented in the Ukrainian citizens' positions is shown. Basing on the analysis the main patterns of interaction between religious and secular are highlighted and possible directions for further research on this topic are also denoted.

Key words and phrases: social-religious interactions; religious; secular; private; public.

УДК 574.58

Биологические науки

Определён видовой состав рыб Светлинского водохранилища (бассейн р. Виллой). Ихтиофауна водохранилища разнообразна и включает 12 видов и подвидов рыб, относящихся к 2-м классам, 7-ми отрядам, 8-ми семействам и 10-ти родам. Приведены краткие биологическая и эколого-зоогеографическая характеристики рыб. Кормовая база обеспечивает хороший рост и упитанность рыб. По аналогии с другими сибирскими водохранилищами следует ожидать вспышку численности рыб, в первую очередь, окуня и плотвы.

Ключевые слова и фразы: Светлинское водохранилище; фитопланктон; зоопланктон; зообентос; рыбы; биология.

Венедиктов Станислав Юрьевич

Кириллов Александр Федорович, к.б.н., доцент

Государственный научно-производственный центр рыбного хозяйства, Якутский филиал
grs-sakha@mail.ru

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ВИДОВОМУ СОСТАВУ ИХТИОФАУНЫ СВЕТЛИНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА[©]

Ихтиофауна Светлинского водохранилища не изучалась. В предлагаемой работе впервые рассмотрен видовой состав рыб этого водоема. Всего в водохранилище обитают 12 видов и подвидов, относящихся к 2-м классам, 7-ми отрядам, 8-ми семействам и 10-ти родам. По количеству видов лидируют отряды лососеобразных *Salmoniformes* и карпообразных *Cypriniformes*, которые и определяют облик ихтиофауны водохранилища.

Материал и методика

Светлинское водохранилище – второе в Виллойском каскаде ГЭС, расположено в среднем течении р. Виллой, в 1206,8 км от ее устья, создано в 2004 г. Водоохранилище – относительно небольшое по площади и объему, его длина – 138 км, наибольшая глубина – 50 м, ширина – около 500 м, нормальный подпорный уровень – 175,0 м.

Сток через створ ГЭС в течение года распределяется в зависимости от потребностей гидроэнергетики, работы вышерасположенного Каскада Виллойских ГЭС-1,2 и боковой приточности. До 20-33% годового стока проходит в период весеннего половодья на притоках (май-июнь), столько же (20-30%) приходится на период летне-осенней межени (июль-октябрь) и 37-58% – на зимнюю межень (ноябрь-апрель). Наибольшие расходы годового стока через гидроузел отмечены в период пропуска весеннего половодья и пропусков с ГЭС-1,2 с мая по июль (до 20% годового стока). Месяцы с наименьшим стоком – август-сентябрь (до 3% годового стока), зимой (ноябрь-апрель) ежемесячный сток составляет 5,6-11,7% годового стока [14].

Материал собран в Светлинском водохранилище в июле 2013 г. Рыб отлавливали сетными орудиями; обработку материала проводили по принятым в ихтиологии методикам [15; 16; 21]. Латинские и русские названия рыб указаны с учётом последних таксономических сводок [2-5; 10; 19; 20]. Надродовые таксоны и их систематическое положение даны по общепринятой системе [22], виды расположены в алфавитном порядке. Эколого-зоогеографическая характеристика каждого вида приводится на основании следующих признаков. Арктический вид в течение всей или большей части жизни населяет участки рек и пресные водоёмы севернее Полярного круга (66° 33' с.ш.): в Евразии (Палеарктика) – арктический палеарктический. Бореальный вид в течение всей или большей части жизни населяет участки рек и пресные водоёмы южнее Полярного круга: в Евразии – бореальный палеарктический, в Евразии и Северной Америке – бореальный циркумполярный. Арктическо-бореальный вид населяет речные бассейны от истоков до устья или мигрирует через условную границу (Полярный круг) в обоих направлениях.